

ДЫХАНИЕ ПРАВДЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ



Начнем со статистики. Нет, не в примелькавшемся понимании — «сухой», а сконцентрированной ясности, за которой следует вывод обобщающего характера, закономерности, то есть со статистики в ее изначальном латинском корне: статус — состояние...

У Михаила Михайловича Обухова за минувшие полтора года вышли в новом издании два романа — «Корни врастают в землю» и «Ястребов», сборник рассказов «На хуторе Заречном»; в «Курской правде» опубликовано несколько глав его нового романа «Повесть о верности», работу над которым он завершает; в журнале «Советская литература» (распространяется по всему миру на девяти языках) в майском номере текущего года появилось исследование М. Обухова о М. Шолохове, а в газетной печати — одно за другим публицистические выступления и отклики на политические события дня.

Такова характеристика творческого СТОЯНИЯ одного из видных советских писателей, старейшины Курского отделения СП СССР, М. М. Обухова в канун его 75-летия.

У Михаила Михайловича молодой звонкий голос — таков он и сам: неумный, открытый в симпатиях и антипатиях, порой ошарашивающий в людях, но всегда готовый признать ошибку, коли убедился в ней, а главное — беспредельно трудолюбивый.

Писать о человеке, чьи романы переведены на языки народов Советского Союза и вписаны в качестве литературных образцов в институтские учебные пособия и академические труды (например, «История русской советской литературы», «История русского советского романа»), где они соседствуют с названиями произведений, которые составляют гордость нашей отечественной литературы, — это открывать открытое. И все-таки юбилей обязывает...

Я обратился в областную библиотеку имени Н. Н. Асеева, к главному библиотекарю В. В. Кавецкой, спросил: «Как читаются книги Михаила Обухова?»

Ответ был краток:

— Они всегда в руках, зачитаны, немилосердно — обтрепались не только обложки, но и истерлись края страниц. Можете взглянуть, — Вера Васильевна провела меня в кладовую, где на полках лежали расстрепанные тома, списывать по ветхости которые у библиотекарей не поднимается рука, их готовят к реставрации. — Правильно сделало Центральное-Черноморское издательство, что приступило к переизданию тетралогии Обухова...

Михаил Михайлович может считать себя счастливым человеком — он создал, думается, главную свою книгу, о чем мечтает каждый писатель. И хотя у него на авторском счету полтора десятка сборников прозы и один поэтический — они как притоки к этой «главной».

С отзыва библиотеки я начал не случайно: массовый читатель — основной собеседник писателя, ибо чтение — взаимный непритязательный разговор, союз или неприятие, и вместе с тем — это умение взглянуть на мир глазами автора. Хочет писатель того или нет, но среди выпущенной им галереи образов непременно увидят его самого, услышат его голос, то есть книга — еще и доверительный разговор: читатель, открывая ее, ищет духовного откровения и соучастия.

Поэтому на художнике слова лежит ответственность — самому стоять на уровне современности, «не отапливаясь в тундре и халат любителям легкого чтения, а упражнять мыслительные органы», как еще в начале века высказался Герберт Уэллс. Ныне же, в конце века, масштабность работы советского человека и противоборство с силами мировой реакции требуют от писателя соответствующей масштабности мышления.

Эпопею М. Обухова — грандиозное полотно почти в сто печатных листов — хочется сравнить с придонской степью, где живут и действуют его герои, с ширью и раздольем, с высоким небом, с дыханием ветров и зовущим горизонтом. Пейзажный лейтмотив степи, где в маре дымящихся солончаков пастухонку Ястребову чудятся полки Кондратия Булавина, как бы подчеркивает размах будущих событий, которые захватывают по мере чтения романа. В чем секрет столь большой притягательности произведения — ведь не броское оно по сюжету, не претендует на особую занимательность?

Время от времени на Западе возникают дискуссии — не отживает ли роман, соответствует ли столь монументальный эпический жанр веку скоротечной информации и предельной занятости? Эти дискуссии не новы. Даже наш Д. И. Писарев, отдавая должное роману, который, по его мнению, «в решении чисто психологических вопросов незаменим», утверждал, что в то же время «в решении социальных вопросов он должен уступить место серьезному исследованию».

Тем не менее роман продолжает развиваться прежде всего как раз по глубине социального исследования. Это отчетливо видно и на примере тетралогии М. Обухова. Обратимся за подтверждением к капитальной «Истории русского советского романа».

«Положим в основу сюжета историю казачьей семьи Ястребовых на протяжении пяти десятилетий, писатель через причастность главных героев — трех братьев, принадлежащих к таким важнейшим слоям общества, как крестьянство (Алексей), интеллигенция (Николай — писатель) и армии (Степан — военный летчик), смог широко охватить жизнь страны не только во временной ее протяженности, но и в многообразии ее социальных проявлений».

Существовала реальная опасность в чем-то повториться. Кто не писал о казаках? И не только русские кофиеи слова — А. Пушкин, Н. Гоголь, Л. Толстой, но и иностранцы — француз А. Дюма, американец В. Уоллинг, англичанин Г. Уэллс... Последний характеризовал казаков как отважных пограничных жителей, которые были «привлечены на службу русскому государству, подобно тому, как шотландские горные племена превращены были английским правительством в полки»... Д. Байрон, рассказывая в «Дон-Жуане» о штурме русскими Измаила, тоже особо отметил: «Достоинны восхваления казаки».

Да, достойны — как умелые воины, как защитники мощных крестьянских восстаний, выдвигавшие из своих рядов Степана Разина и Емельяна Пугачева. Но из казацких рядов вышли и те, кто подло и корыстно выдавал этих героев царским пеламом, кто «брал в нагайки» забастовщиков. К этому же сословию принадлежал и генерал Красноя, который в гражданскую войну расстрелял и повесил 45 тысяч своих же «однодумов» из числа тех, кто не захотел следовать за контрреволюцией... Нет, разные были они, казаки, и резкость их классового размежевания на мироедов и трудящихся, кто пахал землю и тянул военную лямку в «войсках» — Донском и Кубанском, Уральском и так далее на Восток до самой Камчатки, где они несли почтовую службу, — это и определило особую ярость гражданской войны в тех местах.

На Первом съезде трудовых казаков в 1920 году М. И. Калинин так говорил о доле основных казачьих масс: «...Они лицемерно эксплуатировались царским правительством и сознательно отделялись от народа. Это была наиболее задавленная военными нарядами крестьянская масса».

Эту задавленность поясняет М. Обухов: казак считался на военной службе с двадцати до тридцати шести лет. Подчиненный воинскому порядку, со смотрами, лагерями, «действительной», он еще был обязан за свой счет обмундироваться и содержать строевую лошадь. Если же

признавался негодным к службе, то ежегодно платил в казну по 50 рублей (сумма по тому времени немалая, чтобы ее собрать, требовалось сдать в аренду целый пай земли).

О становлении нового человека в этих непростых социальных условиях поведало художественно своеобразно и исторически наиболее полно поколение писателей, выдвигнувшихся из этой же среды. Их список открыли А. Серафимович и М. Шолохов. Позже в нем заняли свое особое место и другие, в числе которых — М. Обухов.

В самом деле, ему ли не знать жизнь трудового казачества, если с десяти лет, «завершив» свое образование первым классом, он был вынужден пойти в работники, в подпаски. Только в 1918 году, то есть уже при Советской власти, он снова сел за парту и за десять месяцев сумел закончить... еще три класса. Такова была невероятная жажда учиться, познавать мир! Ну а затем — неполная средняя школа и техникум и, наконец, рекомендация в университет.

М. Обухов, как и его главный герой Н. Ястребов, занимаясь в стенах Ростовского университета, пробует свои силы в поэзии, вскоре начинает печататься. Его стихи сегодня воспринимаешь как поэтический дневник: они искренни, ярки, порой торопливы, но волнуют тесной причастностью к главным событиям дня: смывка города и деревни, ликбез, организация колхозов, ликвидация кулачества, участие в строительстве Ростсельмаша и к этому — постоянная напряженная учеба, учеба и еще раз учеба, как завещал молодежи В. И. Ленин.

Тетралогия-эпопея в какой-то мере субъективно повторяет дневник. Однако дело не только в показе жизненных фактов, а в горьковской «химии факта», психоаналитическом раскрытии закономерности «прощающего перемещения из ряда чернорабочих батраков в ряды мастеров культуры».

То есть речь должно вести о факте историко-графическом, художественно-типизированном. Вспоминается случай, рассказанный М. Обуховым на одной из встреч с молодыми литераторами. Литконсультант, считавшийся особенно дотошным, разбирая его рассказ, указал, что на страницах, где автор идет от точного факта, где «пишет» жизнь как она есть, там у него получается отлично, а вот где выдумка — стандартно или худолно.

— Я был потрясен, — продолжал Михаил Михайлович. — Дело в том, что места в рассказе, которые мой критик расхвалил, как раз являлись вымыслом, «сочинением».

Начинающему писателю тогда еще было невдомек, что формальная правда выхваченного сиюминутного факта — всего лишь случайный элемент действительности, а чтобы родилась художественная правда, необходимо создать образное и типизированное во времени психологическое изображение.

Поэтому-то путь Николая Ястребова — от хуторского подростка до мастера культуры, писателя рисует М. Обуховым не только как процесс его личной жизни, а прежде всего — социальных изменений в обществе, во всем их материальном и духовном многообразии, в частности, в ломке собственнической психологии в людях.

В 1934 году это четко подчеркнул М. Горький в своей статье «Литературные забавы»: «Основная тема всеобщей литературы — показать, как отращивание к нищете перерождается в отвращение к собственности». Преодоление частнособственнических пережитков, чуждых взглядам социалистического общества, и сегодня еще актуальная тема литературы.

В тетралогии М. Обухова проходит образ казака-приспособленца Хватышева, который живет с протянутой пятерней, с одной мыслью — «Взять!» М. Обухов, рисуя передовых представителей народа, вместе с тем ярко показывает разного рода Хватышевых, в том числе и от науки и искусства, например, писателя Хмурого, беспринципного ловкача, готового сегодня хвалить то, что завтра назовет мерзким, либо наоборот. Но если Хмурый является всего лишь приспособленцем, выкормившем идеи старухи Птицей из «Очерков провинциальной жизни» Г. Успенского («В карман-то, в карман-то норови!»), то старый профессор университета Благосклонно противостоит самой идее нравственного долга перед рожденным обществом, остается глух к словам, с которыми обратился в 1918 году к интеллигенции гениальный А. Блок: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию».

Обухов в своих романах подчеркивает, что процесс становления советской интеллигенции проходил в условиях острой политической борьбы, хотя лучшая часть представителей дореволюционной профессуры, ученых, специалистов, людей искусства приняла задачу просвещения народа как свою кровную, патристическую. Слова Максима Горького — «Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую» — как бы поясняют логику судьбы Хватышевых и Ястребовых. Выдвигая на первый план людей, которым принадлежит будущее, писатель создает активные характеры, могущие служить примером революционной убежденности, порядочности.

Да, становление характера — становление личности: у каждого из героев М. Обухова своя судьба (третий из цикла романов так и называется — «Разные судьбы»). И вместе с тем, подобно степным проселкам, сбегающим в шлах, судьбы образов тетралогии складываются в цельный характер народа — главного героя литературы как общественного явления. Думается, не случайно М. Обухов хоронит Степана, младшего из братьев Ястребовых, летчика, погибшего в бою с фашистами, в безымянной могиле. Это символично, подобно могиле Неизвестного солдата, сложившего голову во имя миллионов.

Социальная стратегия мысли, выношенная и художественно сконцентрированная, и завладевает в первую очередь читателем эпопеи о Ястре

ребоых: войдя в монументальное здание книги как гость, он вскоре начинает жить вместе с ее общезначимым.

Создание тетралогии, идейно и сюжетно связанных четырех многоплановых романов, — задача сложнейшая, требующая творческого мужества. У Михаила Михайловича на выполнение ее ушло двадцать восемь лет. Романы в процессе написания будто шли один за другим вслед самому автору, вырастая из жизненного опыта: Обухов, как и Ястребов, после окончания университета работал сельским учителем, преподавателем вуза, затем был мобилизован в партийную печать. Последний его журналистский пост — сборник «Известий» по Курской и Орловской областям, с которого он и перешел на писательскую работу.

Однако, сколь ни будь основательна жизненная школа, писателю необходима еще и профессиональная. М. Обухову в этом отношении можно сказать, повезло: первые его литературные опыты оценивал и отбирал для публикации А. Фадеев, в те годы заместитель главного редактора ростовской областной газеты. Александр Александрович был постоянным участником заседаний молодых литераторов, а однажды привел с собой В. Маяковского, приехавшего в Ростов для литературных выступлений. Впрочем, «привел» сказано не совсем правильно: Владимир Владимирович сам пожелал познакомиться с литературной порослью города на Дону.

П. Максимов в книге «Фадеев в Ростове», упомянув об этом случае, точно указывает дату события: 7 февраля 1926 года — и далее сообщает:

«Председательствовал молодой поэт Михаил Обухов. Вдруг появились писатели — А. Фадеев и курчавый как Пушкин Саша Бусыгин. За ними возвышался Маяковский...»

Стихи «хуторского паренка Миши Обухова» Маяковский заинтересовал. Он даже прочитывал отдельные строчки. И вместе с тем отметил, что автору пока не хватает общей культурной подготовленности, посоветовал учиться «делать стихи», а не только руководствоваться в своей работе вдохновением. Михаил Михайлович особо бережно хранит снимок, на котором В. Маяковский сфотографировался с группой начинающих ростовских писателей. В этой группе из десяти человек второй слева, в треухе и шинели, — Михаил Обухов.

В 1928 году М. Обухов познакомился в Ростове со своим земляком Михаилом Шолоховым, позже много раз виделся и беседовал с ним. Это были разговоры о главном в искусстве, в литературе, наконец, просто о житейском. В своей работе «Встречи с Шолоховым» М. Обухов анализирует положение об истоках остроты видения мира у одного из крупнейших писателей XX века и его постоянного желанием «разобраться в людях, а не представлять их по шаблону».

«Наверное, у каждого «пробующего перо» живет убеждение: кто-то из писателей-профессионалов непременно ему поможет, — замечает Михаил Михайлович. — Да, не раз было так: старые опытные писатели помогали молодым, начинающим. В сущности, на этом строится почти вся жизнь в литературе».

Самой собой разумеется, встречи с известными писателями являлись для «пробующего перо» студента-филолога уроками литературного мастерства, хотя Маяковский и Фадеев были немногим его старше, а Шолохов — и вовсе ровесник. Несмотря на молодость, они уже тогда завоевали право именовать «маститыми»: все грамотные люди в стране знали поэму «Владимир Ильич Ленин», повесть «Разгром», первую и вторую книги романа «Тихий Дон». Маистритость и молодость — понятия, оказывается, вполне совместимые, и хорошо бы в любом деле побольше «маститых молодых»...

А. А. Фадеев не переставал следить за творческим ростом М. Обухова и, уже будучи секретарем Союза писателей СССР, нашел необходимым обратиться в школу, где учительствовал Михаил Михайлович, с просьбой, чтобы тому представили творческий отпуск для доработки романа о Ястребовых. Но вышло так, что доработку пришлось отложить на четыре года — началась Великая Отечественная война, и автор незаконченного романа взял в руки винтовку...

Да, у каждого писателя своя школа, свои наставники. Однако как учиться? Истинно радный ученик — это не подражатель, не копиральщик. Подражательство в творчестве так же нелепо и бесплодно, как пародийное пение со сцены — имитация искусства крупных певцов: выходит обычно оскорбительно для последних и жалко для самого копирующего.

Невольно вспоминаются благодарственные слова К. Чуковского о Брюсове: он «приобщил меня к большой литературе и руководил... в первые годы работы. При том ни разу не становился в позу учителя».

Сказано точно: поза вообще несовместима с истинным желанием помочь, а в педагогике искусства она может нанести крупный ущерб. И вместе с тем — не прорываться искусственного русла для подопечного, а в его собственном помогать избавиться от наносного, упорядочить течение. Это как реку избавлять от последствий беспорядочного мелевого сплава, от топляков, которые могут сыграть роль рифов, мелей и запруд. Словом, должность наставника в литературе сродни гидростроителю — помочь гармонии врожденного дара личным опытом и знаниями.

Михаил Михайлович «везло» с наставниками, но путем он шел своим. Не потому ли он столь анимателен и тактичен к творчеству молодых коллег? Только в Курске и Белгороде по его рекомендациям принят в Союз писателей десять способных литераторов.

Тетралогия М. Обухова прошла основательную проверку временем. Она — не просто цикл удачных романов и не просто достижение личного писателя, это уже — достижение советской литературы. Обратимся еще раз к авторитету «Истории русского советского романа»:

«М. Обухов-художник подчинил свое произведение поиску той «постоянной» величины, от которой на крутых поворотах истории зависят судьбы героев и страны».

Именно так: искусство, литература концентрируют нравственное достижение народа.

Михаил Михайлович и сам в определенном смысле — история, ходячий архив. Не случайно к нему все чаще приходят письма «исторического характера», с просьбами уточнить или разъяснить то или иное событие в литературном мире первых лет Советской власти. Такое письмо он получил и с Дальнего Востока, из поселка Чукуевка, где открыт музей А. Фадеева. Сотрудники музея просят Михаила Михайловича помочь личными воспоминаниями дополнить экспозицию о молодом Фадееве. Они будто догадываются, что на столе М. Обухова лежит почти готовый том мемуаров с рассказами о писателях 20—30-х годов, о А. А. Фадееве — тоже.

Пришло письмо из Ленинграда, от товарища молодых лет, — звонит мне на днях Михаил Михайлович. — Ныне он — профессор. Советуется, не пора ли опубликовать мои письма, дескать, накопилась папка, большинство имеет литературную и общественную ценность. Пришлось мне охладить пыл профессора: эпистолярное наследие по логике должно следовать за художественным, а у меня программа — издать еще три романа...

Сказано все это было Михаилом Михайловичем шутливо, однако думается, что желание ленинградского ученого правомерно: творчество М. Обухова ждет глубоко заинтересованного исследователя.

Юбилей по традиции связан с подведением итогов, с некой чертой, но — никогда с остановкой: юбилей понятие не статичное. Вот почему перо М. Обухова продолжает неутомимо творить. А годы?... Ну что же, ведь полорожье бывает дважды — весеннее и осеннее. То и другое нужно людям, то и другое раздвигает берега.

А. ХАРИТАНОВСКИЙ.